

Супруга Ворона, женщина с силой, превосходящей понимание, изгнала призраки императора и его семьи. Не просто спасла – изгнала. Беспрекословно, в рай. Говорят, душа при этом исчезает. Вот почему Хёгетсу не мог обратиться к ней. — Если бы я бездумно подошел, — прошептал он, — то сам мог бы оказаться изгнанным. Как и прежде, он использовал других в качестве пешек, сталкиваясь с Дзюсэцу. — Но время от времени я возвращался во внутренний дворец, чтобы проведать Мэйдзю. Думал, Супруга Ворона не станет изгонять ее призрак, ведь цветы ивы даровали ей жизнь лишь на короткое время, и она никому не мстила. Но... Мэйдзю не отзывалась на мой голос. — Каждый раз, возвращаясь, он звал ее, надеясь, что на этот раз она его услышит. Каждый раз его ждало разочарование, и он покидал дворец, чтобы найти способ спасти ее. Дзюсэцу чувствовала, как сердце ее сжимается, представляя этот бесконечный цикл. — Колдунов было нелегко найти, — сказала она, — они скрывались от мира. Поэтому первым, кем я овладела, была не колдунья, а шаманка. Женщина, страстно верившая в богов, могущественная. Подумав, что она справится, я овладела ее телом и попыталась вызвать призрак Мэйдзю, но ничего не вышло. Как и ожидалось, Мэйдзю не откликнулась. После этого я пыталась овладеть еще несколькими, но все было безрезультатно. Единственное время, когда я могла работать с Мэйдзю, — это сезон цветения ивы. Весна приходила и уходила снова и снова, так ничего и не сделав. Хёгетсу закрыл глаза. Возможно, ему вспомнились ветви ивы, танцующие на ветру после окончания цветения. Это был сигнал о том, что ему придется попрощаться с Мэйдзю еще на год. — Через несколько весен я решил разыскать своего хозяина. Он был величайшим колдуном своего времени. Я решил, что если я не могу найти его, то пусть он найдет меня. И тогда я обратил свой взор на колдуна третьего разряда, который умел хорошо говорить. Конечно, он умел привлекать к себе внимание и даже создал Секту Лунной Истины. Но он был слишком показушным. Не успел я найти своего хозяина, как на него обратило внимание правительство. — Хёгетсу сардонически рассмеялся. Дзюсэцу и Кошун знали, что произошло после этого. — Но, пожалуй, стоит сказать, что именно благодаря этому я вернулся во внутренний дворец и узнал, что Консорт Ворона заменена. Более того, оказалось, что она принадлежит к клану Ран. Я подумал, что смогу договориться с ней, если правильно разыграю карты. — Какой же я глупый, — Хёгетсу опустил глаза. Когда он опустил глаза, это было похоже на облака, проплывающие над луной и скрывающие ее. Как и следовало из его имени, он был прекрасен, как холодная луна. — Если бы ты не использовал дворцовую даму в качестве щита, — сказала Дзюсэцу, — я бы спокойно выслушал тебя. — Как будто я пойду перед Консортом Ворона совсем беззащитным. Я не забуду, как предыдущий Консорт Ворона изгнал моего деда и остальных одновременно. Дзюсэцу растерялась, что ответить. Откинув рукой волосы с лица, она посмотрела в решетчатое окно. — Солнце уже село, — пробормотала она и повернулась к двери. Перед тем как выйти, она повернулась к Кошуну и остальным. — Пойдемте со мной. Хёгетсу выглядела озадаченной, но Дзюсэцу, не обращая на это внимания, покинула дворец. Небо разделилось на светло-розовое и лунно-белое. Тающее вечернее солнце садилось на ветви лавровых деревьев. Она быстро шла к югу от внутреннего дворца. Навстречу Мэйдзю. На ходу Дзюсэцу вспомнила о складной ширме, которую она видела в сокровищнице зала Гёкоу. На ней были изображены Хёгетсу и Мэйдзю. Хёгетсу была прекрасна, как холодное стекло, а Мэйдзю обладала мягкой красотой нефрита. — Хёгетсу, — Дзюсэцу окликнула его позади себя. Кошун и Эй Сэй шли прямо за Дзюсэцу, а Хёгетсу — чуть поодаль. Он не оставлял за собой ни шагов, ни тени, что вызывало странное ощущение. — Вы знаете, что у принцессы Мэйдзю была стеклянная расческа? — Белый стеклянный гребень? — спросил Хёгетсу. — Да. — Дзюсэцу кивнула. — Это был мой подарок. В знак моего предложения. — Понятно. Когда Хёгетсу сказал, что подарил Мэйдзю подарок в знак предложения, Дзюсэцу подумала: "Может быть..." — Ты знаешь, что он пропал? — спросила она. — Пропал? — Выражение лица Хёгетсу изменилось. — Он был разграблен? — Может быть, и так, но я подозреваю, что это не так. Миновав дворец Эноу, они увидели персиковую рощу с ивами. Небо постепенно темнело, и окрестности приобретали глубокий цвет индиго. В это время начала тускло светить набухшая луна в форме абрикосовой косточки. Подойдя к иве,

Дзюэцу остановилась. Хёгетсу испустил вздох. Это был мучительный, захлебывающийся вздох. Под цветущей ивой появилась фигура Мэйдзю. В противовес растущей темноте ее фигура, казалось, светилась белым светом. Дзюэцу посмотрела на ее повисшую голову. — Принцесса Мэйдзю перерезала себе горло под той ивой. — Ты не знаешь, почему именно под этой ивой? Хёгетсу ответил: — Всякий раз, когда я приходил во внутренний дворец, мы встречались именно здесь. Здесь же я сделал ей предложение. — Итак, почему? Неужели она собиралась умереть, храня в памяти воспоминания о встрече с Хёгецу? — Тогда трудно поверить, что она пыталась бы умереть без своего драгоценного стеклянного гребня. Это был ее подарок. Если она выбрала это место для смерти, то вполне логично, что она выберет его в качестве своего украшения в последние минуты жизни. Однако Дзюэцу указала на голову Мэйдзю. — Она умерла, не закрепив его в волосах. Облик призрака не обязательно совпадал с его внешностью в момент смерти. Хёгетсу был хорошим примером. Иногда они появлялись в том виде, который оставлял сильное впечатление в памяти умершего человека. Если призрак Мэйдзю не носил гребень, то это было либо потому, что так она выглядела, когда умерла, либо потому, что этот вид оставил сильное впечатление в ее сознании. — Почему? В любом случае, если бы все было наоборот, они бы знали. Если бы на ней был ее заветный гребень. — Она, наверное, подумала, что, когда умрет, расческа не должна быть на ее теле. Потому что она будет разграблена. — Кошун издал слабый звук, который нельзя было назвать ни произнесением, ни вздохом. — И драгоценный камень принцессы Мэйдзю, и клинок, которым она покончила с собой, хранятся в сокровищнице зала Гёкоу. Вот как это было сделано. Дзюэцу и раньше критиковала Кошуну за то, что тот хранит украшения, содранные с трупов. — Они могут попасть в руки Императора Пламени, который убил Хёгэцу. Не думаю, что она хотела этого, несмотря ни на что. — Тогда... — Хёгетсу, глядя на Мэйдзю, спросил: — Где расческа? Дзюэцу медленно приближалась к принцессе. — Когда армия приближалась, времени спрятать ее не было. Она пришла сюда, где решила умереть, и, скорее всего... — Дзюэцу опустилась на колени перед Мэйдзю, положив руку на холодную землю. — Похоронили ее здесь. Достав из кармана кусок дерева, Дзюэцу начала копать. Других инструментов у нее не было. — Сэй, — позвал Кошун, и Эй Сэй, с неохотой, подошел к Дзюэцу. Достав из кармана кинжал, одним движением он откинул землю. Дзюэцу задумалась, всегда ли он носит с собой такое опасное оружие? — Она бы не стала закапывать его слишком глубоко. Покопавшись немного, они наткнулись на корни ивы. Они были еще тонкими. Дзюэцу остановила руку. Корни обвились вокруг гребня, защищая его. Он был покрыт грязью, но это была расческа из белого стекла. Дзюэцу быстро откопала ее и вытерла грязь. — Пользуйтесь этим, — протянул Кошун носовой платок. Когда Дзюэцу протерла им расческу, из нее появился красивый гребень в форме волн и пионов. Это был гребень, воплощавший в себе лунную красоту Хёгетсу и нежную красоту Мэйдзю. — Я думаю, что она не могла покинуть это место, потому что этот гребень отягощал ее мысли. Все ее мысли были заняты им. — По этой причине, даже голос Хёгетсу, подарившего ей расческу, не доносился до нее. Какая ирония. Дзюэцу держала расческу перед Мэйдзю. В другой руке расчески собралось тепло. Светло-красные лепестки распустились, приобретая форму пиона. Когда она подышала на него, лепестки рассыпались, превращаясь в дым, окутавший расческу. Словно заметив это, Мэйдзю, голова которой была опущена, впервые посмотрела вперед. Ее окружала легкая красная дымка. Гребень блестел в лунном свете. Неподвижные глаза Мэйдзю медленно сфокусировались. По другую сторону расчески стоял Хёгецу. Глаза Мэйдзю расширились. — Мэйдзю. Хёгетсу назвал ее по имени и шагнул вперед. Мэйдзю моргнула. Когда ветер прошел сквозь нее, выражение ее лица резко изменилось. Глаза сверкнули, когда она снова моргнула, и свет отразился от ее гладких щек, нарисовав мягкие линии. Ее серебристые волосы были завязаны, а рана на горле и кровь исчезли. На смену испачканной кровью одежде пришло великолепное верхнее одеяние, расшитое золотыми и серебряными нитями, и юбка с узором в виде волн. Принцесса стояла во всем своем сиянии. Хёгетсу погладил волосы Мэйдзю. В волосах появился стеклянный гребень. Не издав ни звука, Мэйдзю улыбнулась. Хёгетсу

заклучил ее в свои объятия. Он тоже слабо улыбался. Казалось, он что-то шепчет Мейдзю на ухо, но Дзюсэцу не могла разобрать слов. Две фигуры исчезли в лунном свете. Ветви цветущей ивы качнулись. Спрятавшись среди поникших цветов, влюбленные исчезли без единого звука. Слабый ветерок колышет ивы. Дзюсэцу молча смотрела на цветущие ивы, освещенные лунным светом. Никто не произнес ни слова.— ...Мы похороним этот гребень в их могиле. — Через некоторое время тихо, словно медленно пробуждаясь от сна, заговорил Кошун. Гробница клана Ран была спрятана в уголке Запретного сада на окраине императорского дворца. Первоначальный семейный мавзолей был разрушен, но Император Пламени не хотел, чтобы люди молились за них, поэтому их похоронили в Запретном саду, а не за пределами императорского дворца.— Это было бы хорошо... — Изначально предполагалось, что гребень будет с Мейдзю в смерти. — Будет лучше, если я не буду к нему прикасаться. Она должна быть на попечении клана Ран. Сказав это, Кошун откинул рукава. Дзюсэцу посмотрела вниз на стеклянный гребень. Лунный свет мягко обволакивал стекло, словно роса.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/3120409>